

ВОЙНА И МИР

Н. Н. ПЛАТОШКИН

Преследование нацистских преступников в ФРГ в 50-е годы

С учетом нынешнего обострения отношений между Российской Федерацией с одной стороны и Латвией и Эстонией — с другой по вопросу об отношении к бывшим военнослужащим «ваффен СС» интерес представляет исследование вопроса об отношении к преступлениям времен нацизма на Западе, и, прежде всего, в ФРГ.

В настоящее время именно Федеративная Республика Германии выступила с инициативой о введении уголовного наказания во всех странах ЕС за использование нацистской символики. Однако такая нетерпимость к нацизму сформировалась не сразу и как представляется во многом потому, что к настоящему времени ФРГ считает выполненной основную задачу по выявлению и наказанию нацистских преступников на своей территории. Сыграло свою роль и активное преследование нацистов в бывшей ГДР, что вынуждало Западную Германию также осуществлять меры в этом отношении, чтобы не потерять международный престиж.

Преследование бывших нацистов в Германии осуществлялось на основании Лондонского соглашения СССР, США, Великобритании и Франции «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси» от 8 августа 1945 г. Характерно, что именно СССР и лично И. Сталин настояли на глас-

ном судебном процессе, в то время как премьер-министр Великобритании У. Черчилль, например,

настаивал на расстреле главных нацистских преступников без суда.

Закон №10 Союзного Контрольного Совета (этому органу, состоявшему из представителей СССР, США, Великобритании и Франции принадлежала верховная власть в Германии в 1945–1949 гг.) от 10 декабря 1945 г. определил составы нацистских преступлений и принципы судопроизводства.

В первые послевоенные годы, прежде всего под влиянием решений Международного трибунала в Нюрнберге, в западных оккупационных зонах Германии (и, прежде всего, в американской) проводилась внешне активная и массовая денацификация. Проверке с помощью специальных анкет было подвергнуто 3660648 бывших нацистов, из которых, однако, только 1667 человек попали в категорию «наиболее виновных» (что подразумевало тюремное заключение до 10 лет или даже выше). Около 1 млн. оказались «наименее виновными» (или «причастными»), а 1,2 млн. — невинными. В отношении еще 1,2 млн. бывших нацистов дела были прекращены по разным причинам¹. После образования ФРГ те же американцы приступили к массовому помилованию осужденных нацистов. Об этом просил канцлер Западной Германии К. Аденауэр, который прямо гово-

рил о необходимости использования многих «бывших» на государственной службе, в т. ч. и в будущей армии.

Если до 1949 г. западногерманские суды имели право рассматривать нацистские преступления, совершенные только на территории Германии и против граждан рейха (остальные преступления находились в компетенции оккупационных властей), то после образования ФРГ это ограничение было снято. Правда, появилось ограничение иного рода. Суды ФРГ не имели права рассматривать дела тех, против кого уже вели следственные действия западные оккупационные власти. На практике это приводило к безнаказанности многих бывших нацистов. Ведь в послевоенной суматохе еще не было налаженной системы сбора доказательств, и многие дела прекращались из-за отсутствия улик. Если эти улики появлялись после 1950 г., то расследовать дело заново суды ФРГ уже не могли, а во многих случаях и просто не хотели. Если в 1948 и 1949 гг. западногерманские суды вынесли соответственно 1819 и 1523 приговора в отношении бывших нацистов (они были достаточно мягкими, тем более, что Основной закон ФРГ отменял смертную казнь), то в 1955 г. был зарегистрирован всего один приговор, в т. ч. только один к пожизненному заключению². Отличительной чертой начала 50-х годов было то, что прокуроры ФРГ практически не возбудили по собственной инициативе ни одного дела против бывших нацистов, несмотря на поток книг и статей, в которых поименно назывались преступники. В качестве оправдания приводилась «загруженность» сотрудников прокуратуры «обычной» преступностью. Всего же с 1945 по 1955 г. западногерманские суды вынесли приговоры против 5866 бывших нацистов³, многие из которых отделались штрафами или условными сроками. Причем широко практиковалась т. н. система «зачетов»: если кто из «коричневых» успевал отсидеть при союзниках год-два в лагерях, этот срок сразу «засчитывали» при появлении новыхотягчающих улик.

Следует подчеркнуть, что ни один человек в ФРГ не был осужден на том основании, что он состоял, например, в СС — организации, официально признанной Международным трибуналом в Нюрнберге преступной. Весной 1955 г. истек срок давности по всем преступлениям нацистского периода, которые карались тюремным заключением до 10 лет. В переводе с юридического языка на нормальный это означало, что отныне судить можно только тех, кто лично совершил в 1933–1945 гг. предумышленное убийство.

И здесь западногерманская юстиция проявила просто чудеса изобретательности, с тем, чтобы фактически прекратить судебное преследование нацистов. Убийства были разделены на простое, или непредумышленное (Totschlag), и квалифицированное (Mord). Причем эта градация была заимствована из уголовного кодекса времен «Третьего рейха», который с некоторыми поправками продолжал действовать в ФРГ.

На практике это означало следующее. Международным трибуналом были названы основные военные преступники, совершившие преступления против человечности. Все остальные убийцы, по мнению судов ФРГ, действовали лишь по приказу. Чтобы обвинить кого-либо в квалифицированном убийстве отныне требовалось доказать, что убийство это совершалось с «радостью» или с «заинтересованностью» в его результатах. Те же, кто «просто» выполнял приказ, вешая узников в лагерях или проводя на них бесчеловечные медицинские эксперименты, были виновны только в непредумышленном убийстве (вроде случайного наезда автомобилиста на пешехода) и отделялись небольшими сроками. Нечего и говорить, что доказать заинтересованность в убийстве было практически невозможно. При этом суды ФРГ напрочь игнорировали Устав Международного трибунала в Нюрнберге (уже в 50-е годы его презрительно именовали в Западной Германии «трибуналом победителей», подчеркивая якобы неправомочный характер этого суда), в котором четко говорилось, что ссылка на необходимость

выполнения приказа не является смягчающим обстоятельством. Тем более, что за все время расследования нацистских преступлений не удалось установить ни одного факта серьезного наказания в гитлеровском рейхе тех, кто отказывался, например, принимать участие в расстрелах мирного населения. Офицеров вермахта, которые считали такие «акции» несовместимыми с воинской честью, максимум переводили в другие подразделения. То есть, никакого риска в подобном неповиновении не было.

Тем не менее, 17 июля 1954 г. правительство Аденауэра провело через бундестаг закон об амнистии, распространявшийся на «преступления, совершенные в период с 1 октября 1944 г. по 31 июля 1945 г., т. е. в условиях чрезвычайных обстоятельств в связи с необходимостью выполнять приказ». Подразумевалось, что в конце войны убийство, например, дезертиров из вермахта без суда и следствия было оправданным, так как очень уж «психологически трудным» был конечный период войны. Неудивительно, что партийный блок ХДС/ХСС блокировал реабилитацию дезертиров из вермахта вплоть до середины 90-х годов. Даже тогда, уже после распада СССР и ликвидации ГДР, этих людей считали предателями и «сталинскими агентами».

Изобретательность западногерманской Фемиды приводила к скандальным результатам. Так, например, бывший бригадефюрер (генерал-майор) СС Хейде был главным экспертом по организации так называемой программы эвтаназии. По этой программе было насильственно умерщвлено более 200 тыс. «лишних едоков» (психически больных, калек и «расово неполноценных» детей). В 1947 г. Хейде арестовали, но он бежал (из лагерей западных союзников это можно было сделать относительно легко) и под новой фамилией Саваде получил разрешение на частную врачебную практику. Несколько лет он состоял профессором Мюнхенского университета, где читал курс лекций об опытах «знаменитого» Хейде в вопросах эвтаназии. При этом его жена вплоть до повторного

ареста мужа в 1958 г. получала по свидетельству о смерти Хейде высокую государственную пенсию⁴.

Пенсией и другими материальными льготами бывших нацистов и их родных обеспечил так называемый «закон 131», принятый 11 мая 1951 г. Он стал следствием многочисленных жалоб бывших нацистов, состоявших на госслужбе до 1945 г., на статью 131 Основного закона (конституции) ФРГ, согласно которой лица, подлежавшие денацификации, не имели права занимать государственные должности. «Закон 131» вернул эти права «бывшим» и предусмотрел еще к тому же выплату компенсаций за «неправомерное» увольнение с работы.

Закон был откровенно скандальным даже в условиях «фронтового» антикоммунистического государства, каким была ФРГ в 50-е годы. Например, вдова Бертольда фон Штауфенберга (это он вместе с братом Клаусом пытался убить Гитлера 20 июля 1944 г.) получала за казненного мужа государственную пенсию в 200 марок ежемесячно. А вдова президента т.н. народного трибунала (высшая судебная инстанция «третьего рейха») Роланда Фрайслера (Гитлер называл его «мой Вышинский») получала за убитого при бомбежке мужа 1000 марок. Столько же имела и Лина Гейдрих (вдова заместителя Гимmlера по СС Рейнхарда Гейдриха, убитого чешскими патриотами в 1942 г.). Никого не интересовало, что и Гейдрих и Фрайслер, если бы они остались в живых, без всяких сомнений, были бы приговорены к смертной казни даже западными союзниками.

Бывший полицей-президент Любека и генерал СС получил от государства компенсацию в 18 тыс. марок за конфискованную у него после 1945 г. квартиру. Бывший бургомистр Дортмунда и оберштурмбаннфюрер СА Лагенкопф оценил перенесенные им после 1945 г. «страдания» в 42 тысячи марок, и суд признал за ним эту гигантскую по тем временам сумму⁵.

В Федеральный конституционный суд ФРГ в Карлсруэ поступила масса жалоб на «закон 131». Но и здесь суд показал свою

политическую «принципиальность», попросту «замотав» дело.

Правда, «закон 131» сыграл все-таки с нацистами дурную шутку и в определенном смысле привел к активизации преследования «коричневых» в 1958 г. Бывший оберфюрер СС (чин между полковником и генерал-майором) и в 1941 г. глава полиции Мемеля (Клайпеды) подал на основании «закона 131» в суд с требованием восстановления на госслужбе (кстати, после войны этот человек под вымышленным именем руководил лагерем для беженцев в Баварии). О процессе писали газеты, и один из читателей узнал в оберфюрере человека, руководившего летом 1941 г. массовыми расстрелами евреев на территории Литвы (в результате этой «акции» погибло как минимум 4 тысячи ни в чем не повинных людей). В результате оберфюрер вместе со своими поделщиками неожиданно оказался на скамье подсудимых по делу о карательной «айнзатцгруппе Тильзит» («айнзатцгруппами» назывались подразделения СС и СД, ликвидировавшие на оккупированной советской территории коммунистов, евреев и другие «подрывные» и «расово неполноценные элементы»). Этот процесс после долгих лет «застоя» в деле преследования бывших нацистов привлек широкое внимание общественности, но только не федерального правительства. Тем не менее, под давлением общественного мнения министры юстиции всех земель ФРГ учредили 1 декабря 1958 г. Центральное ведомство по расследованию нацистских преступлений (т. н. Людвигсбургский центр). Центр должен был собирать (в т. ч. и за границей) материалы о нацистских преступлениях и передавать их в органы прокуратуры. Само это учреждение осуществлять уголовное преследование не имело права. С 1958 по 1963 г. центр провел 645 предварительных расследований, из которых 418 были направлены в прокуратуру. Суды организовали на основании этих материалов 45 процессов против 152 человек (33 из них были оправданы, 19 — приговорены к пожизненному заключению, а 94 сели в тюрьму на разные сроки)⁶.

Конечно, создание Людвигсбургского центра было явным шагом вперед по сравнению с периодом забвения 1953–1957 гг. Однако следует отметить, что в определенной мере учреждение этого ведомства было вынужденной реакцией на громкие процессы против нацистов в социалистических странах. Определенное давление осуществлял и Израиль, в т. ч. через влиятельное еврейское лобби в США.

В целом денацификация в Западной Германии к концу 50-х годов привела к тому, что большинство чиновников ФРГ на федеральном уровне либо состояли в НСДАП, либо лояльно сотрудничали с гитлеровским режимом. Особенно много бывших нацистов было в МИД ФРГ, и это вполне устраивало Аденауэра. Для сравнения заметим, что после 1990 г. были поголовно уволены с работы все дипломаты бывшей ГДР, хотя никто и никогда не признавал это государство преступным. Даже здание МИД ГДР в Берлине было снесено до основания, так как внешнеполитическое ведомство ФРГ не хотело занимать здание с такой традицией. Впрочем, переехать в построенное при Гитлере здание рейхсбанка щепетильность не помешала, да и минфин ФРГ прекрасно чувствует себя в здании бывшего министерства авиации Геринга.

Всего в ФРГ с 1955 по 1982 г. были возбуждены и расследованы уголовные дела против 84 463 лиц, которых подозревали в совершении нацистских преступлений. Однако до суда дошли дела всего 6432 человек. Для сравнения заметим, что в ГДР было осуждено более 12 тысяч бывших нацистов, хотя население ГДР было примерно в 4 раза меньше, чем в ФРГ⁷.

С учетом вышеизложенного представляется, что странная терпимость Евросоюза и НАТО по отношению к реабилитации бывших нацистов в странах Прибалтики объясняется во многом и тем обстоятельством, что сами западные страны в годы «холодной войны» проявляли к бывшим нацистам мягкость, игнорируя совместные решения по данному вопросу стран антигитлеровской коалиции.

¹ Ледах И. А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. М., 1973. С. 62–63.

² Rueckerl A. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen 1945–1978. Heidelberg/Karlsruhe, 1979. S. 45.

³ Ibid. S. 47.

⁴ Ледах И. А. Указ. соч. С. 94–95.

⁵ Grosser A. Die Bonner Demokratie. Deutschland von draussen gesehen. Duesseldorf, 1960. S. 274.

⁶ Ледах И. А. Указ. соч. С. 94–95.

⁷ Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие. М., 1986. С. 381.